

Иван Чистяков
Сибирской дальней стороной.
Дневник охранника БАМа, 1935-1936

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7006582

*Сибирской дальней стороной. Дневник охранника БАМа, 1935–1936 / Иван Чистяков: АСТ:
CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084795-2*

Аннотация

Дневник Ивана Чистякова, командира взвода вооруженной охраны на одном из участков БАМа, который он вел в ГУЛАГе день за днем, с 1935 по 1936 год, – вероятно, единственный дошедший до нас источник подобного рода. Не только дневников, но и каких-либо воспоминаний тех, кто находился по эту сторону колючей проволоки, известно очень мало, хотя в системе ГУЛАГа работали десятки тысяч людей. Но вести дневники у них особой потребности не было. Тем более что люди из этих структур хорошо понимали, как это опасно. Аресты всегда сопровождались обысками и изъятием бумаг, и не только письма и дневники, но и обычные записные или телефонные книжки – даже простая запись в календаре – могли превратиться в тяжелую улику. Можно утверждать, что чудом дошедшие до нас записки Ивана Чистякова уникальны. Оригинал дневника хранится в архиве общества “Мемориал” в Москве. О самом авторе известно очень мало. Вместе с тетрадками сохранился лишь любительский снимок, на оборотной стороне которого есть надпись: “Чистяков Иван Петрович, репрессирован в 1937–1938 годах. Погиб в 1941 году на фронте в Тульской области”.

Содержание

Предисловие	6
Бамлаг	8
Начальники	9
Винтики системы	11
“Вызвали – и поезжай...”	12
Шум трамвая	15
“Схожу с ума...”	17
Дневник Ивана Чистякова	20
9/X 35 г.	20
10 [октября]	21
21 [октября]	22
22 [октября]	23
23 [октября]	24
24 [октября]	25
25 [октября]	26
26 [октября]	27
27/28 [октября]	28
29 [октября]	29
30 [октября]	30
31 [октября]	31
I/XI	32
4–5 [ноября]	33
6 [ноября]	34
7 [ноября]	35
8 [ноября]	36
9 [ноября]	37
10 [ноября]	38
11 [ноября]	39
12 [ноября]	40
13 [ноября]	41
14 [ноября]	42
15 [ноября]	43
16 [ноября]	44
17 [ноября]	45
18 [ноября]	46
19 [ноября]	47
20 [ноября]	48
21 [ноября]	49
22 [ноября]	50
23 [ноября]	51
24 [ноября]	52
25 [ноября]	53
26 [ноября]	54
27 [ноября]	55
28 [ноября]	56
29 [ноября]	57

30 [ноября]	58
31 [ноября]	59
1.2.3/ХП	60
4 [декабря]	61
5–6 [декабря]	62
7 [декабря]	63
8 [декабря]	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иван Чистяков
Сибирской дальней стороной.
Дневник охранника БАМа, 1935-1936

© “Мемориал”, текст, 2014

© “Мемориал”, фотографии, 2014

© Российский государственный архив кинофотодокументов, фотографии, 2014

© Ирина Щербакова, предисловие, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие

“В дневнике вся моя жизнь...”

Дневник Ивана Чистякова, командира взвода вооруженной охраны (привычное советское сокращение – ВОХР) на одном из участков Байкало-Амурской магистрали (БАМ), который он вел в ГУЛАГе день за днем, с 1935 по 1936 год, – вероятно, единственный дошедший до нас источник подобного рода.

Не только дневников, но и каких-либо воспоминаний тех, кто находился по *эту* сторону колючей проволоки, известно очень мало, хотя в системе ГУЛАГа работали десятки тысяч людей. Это объясняется несколькими причинами – и тем, что в 1930-е годы кадры ГУЛАГа подвергались репрессиям (начиная с руководителей, пятеро из которых, сменявшие друг друга в 1930-е, были расстреляны), и тем, что контингент работников НКВД и ВОХР в лагерях часто состоял из проштрафившихся, нечистоплотных, развращенных властью людей, обворовывавших заключенных. Писать дневники, делать записи у них особой потребности не было. Тем более что люди из этих структур хорошо понимали, как это опасно. Аресты всегда сопровождалась обысками и изъятием бумаг, и не только письма и дневники, но и обычные записные или телефонные книжки – даже простая запись в календаре – могли превратиться в тяжелую улику. А после XX Съезда КПСС и хрущевских разоблачений работа в ГУЛАГе не вызывала в обществе уважения и сочувствия. Поэтому можно утверждать, что чудом дошедшие до нас записки Ивана Чистякова совершенно уникальны.

Оригинал дневника хранится в архиве общества “Мемориал” в Москве, где с конца 1980-х годов собирались документы, мемуары, письма, связанные с историей политических репрессий в СССР. Именно тогда дневник и был передан в архив людьми, случайно обнаружившими его в бумагах умершей дальней родственницы.

К сожалению, о самом авторе нам известно очень мало. Вместе с тетрадками сохранился лишь один мутный любительский снимок, на оборотной стороне которого есть надпись: “Чистяков Иван Петрович, репрессирован в 1937–1938 годах. Погиб в 1941 году на фронте в Тульской области”. Предпринятые нами попытки отыскать его следы в государственных архивах не увенчались успехом.

Все остальные сведения об этом человеке можно почерпнуть только из его дневника.

Сколько лет было в тот момент его автору? Вероятно, уже за 30, поскольку в дневнике есть упоминание о том, что он был на фронте. Таким образом, если Чистяков участвовал в Гражданской войне, хотя бы и в самом ее конце, в 1920–1921 годах, то он, скорее всего, родился не позже 1903 года. До призыва в армию (на свою беду, он попадает на службу во внутренние войска) жил в Москве, неподалеку от Садово-Кудринской площади, ездил на трамвае на работу, в свободное время ходил в театр, занимался спортом, любил рисовать, словом, вел жизнь обычного полуинтеллигентного советского горожанина начала 1930-х годов. В Иване Чистякове мы узнаем характерные черты “лишних” людей, находившихся на обочине “магистральных путей” новой эпохи. Они описаны во многих литературных произведениях той эпохи: в “Зависти” Юрия Олеши, в “Сентиментальных повестях” Михаила Зощенко, в “Самоубийце” Николая Эрдмана.

У Чистякова не слишком удачное для того времени непролетарское происхождение и высшее техническое образование. Во время одной из проходивших в конце 1920-х – начале 1930-х широких чисток, когда партийного билета лишались прежде всего так называемые социально-чуждые элементы, он был исключен из партии. (Об этом Чистяков также упоминает в дневнике, поскольку считает, что на БАМ его отправили как уже “провинившегося”.)

Кем он работал до призыва в армию, понять из текста дневника трудно, – возможно, преподавателем какого-нибудь техникума или даже вуза. У него, по-видимому, нет семьи или эта семья распалась, он лишь дважды упоминает в дневнике о том, что получил письмо или посылку. Во всяком случае, нигде нет ни слова о родных или близких людях.

Чистякова мобилизуют во внутренние войска в тот момент, когда широко разворачиваются масштабные сталинские проекты под руководством НКВД и ГУЛАГ испытывает острую нехватку в кадрах. Осенью 1935 года он попадает в одно из самых далеких и страшных мест – в Бамлаг¹.

¹ Статус автора дневника, вероятнее всего, – младший командир – одногодичник. В то время действовал Закон об обязательной военной службе, принятый ЦИК и СНК СССР 13 августа 1930 года. В разделе 10 закона регламентировались порядок и сроки службы для тех, кто окончил техникумы и институты. В момент написания дневника у автора не было персонального звания, и кубик в петлице указывал на его должность (командир взвода либо отделения). В дневнике он пишет, что он не чекист, т. е. он военнотрудовой РККА, переданный для службы в НКВД на БАМ.

Бамлаг

В 1932 году Совет народных комиссаров СССР принял постановление о строительстве Байкало-Амурской магистрали. БАМ являлся стройкой оборонного значения, и первоначально его сооружение было поручено Наркомату путей сообщения. На строительство отводилось всего три с половиной года. Срочность работ по строительству БАМа была связана с военно-стратегической ситуацией на Дальнем Востоке, сложившейся после захвата Японией в 1930–1931 годах Маньчжурии и фактической потери КВЖД² – основной железнодорожной линии, связывавшей единственный на Дальнем Востоке крупный российский порт и военно-морскую базу Тихоокеанского флота, город Владивосток, с Сибирью и центральными районами страны. Оставшаяся Транссибирская магистраль была во многих местах одноколейной и проходила на протяжении более чем 1000 км вблизи советской границы с Маньчжурией.

Но, несмотря на развернувшуюся в СССР агитационную кампанию, мобилизовать на Дальний Восток (“на близкий и любимый, на Дальний Восток”, как пелось в популярной песне из пропагандистского советского фильма того времени) на очень тяжелую работу в труднейших условиях тысячи вольнонаемных людей было невозможно. Очень скоро стало ясно, что осуществить этот амбициозный проект в такие краткие сроки можно, только используя принудительный труд. Поэтому вскоре стройка была передана в руки ОГПУ. Строительство сложнейшей многокилометровой железнодорожной структуры осуществлялось десятками тысяч заключенных, как и на всех лагерных стройках, вручную – лопатой, тачкой, кайлом и пилой.

К этому времени завершалось сооружение Беломорско-Балтийского канала – первой масштабной стройки ГУЛАГа, и тысячи заключенных были оттуда отправлены на БАМ.

В середине 1935 года, когда в Бамлаге оказался Чистяков, их количество составляло уже около 170 тыс. человек, а к моменту расформирования лагеря – к маю 1938-го – свыше 200 тыс. (из более 1,8 млн всех узников ГУЛАГа на тот момент).

² КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога, железнодорожная магистраль в Северо-Восточном Китае, проходившая по территории Маньчжурии (Китай) и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 годах как южная ветка Транссибирской магистрали. Принадлежала России и обслуживалась ее подданными. В 1928-м из Китая были высланы все русские служащие КВЖД, в 1934-м дорога продана правительству Маньчжурии, в 1945-м возвращена СССР, в 1952-м передана Китаю.

Начальники

Бамлаг в 1935-м охватывал огромную территорию от Читы до Уссурийска. Управлялся он из города Свободный Дальневосточного края.

Новым начальником Бамлага стал Нафталий Френкель, один из наиболее одиозных строителей гулаговской системы. До своего назначения в Бамлаг Френкель сделал фантастическую карьеру. В начале 1920-х годов он был осужден за мошенничество и контрабанду и отправлен в Соловецкие лагеря. За несколько лет пребывания на Соловках заключенный Френкель сумел превратиться в начальника производственного отдела лагеря, а после выхода на свободу был взят на службу в ОГПУ. В 1931–1933 годах Френкель становится одним из руководителей первого крупнейшего объекта ОГПУ, построенного руками заключенных, – Беломорско-Балтийского канала.

Френкель оставался начальником строительства в Бамлаге весь последующий период и оказался одним из немногих деятелей ГУЛАГа, кто не был арестован, смог продержаться на такой должности и даже продвинуться наверх³.

Свое руководство Бамлагом Френкель начал с радикального переустройства лагерных подразделений. Он создал фаланги – специализированные бригады по 250–300 человек, где все заключенные были связаны круговой порукой выполнения плана и соревнованием за пайки. (Эти фаланги неоднократно упоминаются в дневнике Чистякова.) Суть новой системы точно описал человек, находившийся в начале 1930-х годов по *другую* сторону колючей проволоки, – Варлам Шаламов:

“Ведь только в начале тридцатых годов был решен этот главный вопрос. Чем бить – палкой или пайкой, шкалой питания в зависимости от выработки. Выяснилось, что с помощью шкалы питания, обещанного сокращения срока можно заставить и “вредителей”, и бытовиков⁴ не только хорошо, энергично, безвозмездно работать даже без конвоя, но и доносить, продавать всех своих соседей ради окурка, одобрительного взгляда концлагерного начальства”⁵.

Система, предложенная такими новаторами ГУЛАГа, как Френкель, заключалась в применении “бесплатного принудительного труда, где желудочная шкала питания сочеталась с надеждой на досрочное освобождение по зачетам. Все это разработано чрезвычайно детально, лестница поощрений и лестница наказаний в лагере очень велика – от карцерных ста граммов хлеба через день до двух килограммов хлеба при выполнении стахановской нормы (так она и называлась официально)⁶. Так проведен был Беломорканал, Москанал – стройки первой пятилетки. Экономический эффект был велик. Велик был и эффект растления душ людей – и начальства, и заключенных, и прочих граждан. Крепкая душа укрепляется в тюрьме. Лагерь же с досрочным освобождением разлагает всякую, любую душу – начальника и подчиненного, вольнонаемного и заключенного, кадрового командира и нанятого слесаря”, пишет Шаламов.

Каждый месяц Френкель получал эшелоны с новыми заключенными, и его лагерь рос как на дрожжах. В начале 1933 года сеть Бамлага состояла всего из двух лаготделений, занятых строительством головной ветки БАМа. Но потом основную часть заключенных бро-

³ В 1940 году Френкель уже занимал пост начальника управления железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД СССР, т. е. распоряжался всеми железнодорожными лагерями в стране.

⁴ Бытовиками в гулаговской системе называли людей, осужденных за бытовые преступления.

⁵ Здесь и далее: *В. Шаламов*. Вишера. Антироман. М.: Книга, 1989.

⁶ Стахановская норма – повышенная производственная норма. Термин появился в 1935 году и связан с именем забойщика шахты А. Стаханова, во много раз перевыполнившего норму выработки угля.

силы на строительство вторых путей Транссибирской магистрали. По всей протяженности этого пути создавались многочисленные лагерные отделения и ОЛП (отдельные лагерные пункты). Второе отделение Бамлага (именно туда попадает Чистяков) представляло собой огромный рабочий муравейник. В него входило и строительство вторых железнодорожных путей, паровозоремонтных депо, вокзалов и других гражданских сооружений. Там были механические мастерские и подсобные сельские хозяйства, своя агитбригада и лагерная печать, производственные фаланги с сотнями заключенных – путеармейцев⁷, изоляторы для провинившихся и фаланги для штрафников и отказчиков⁸.

Заключенные Бамлага строили железную дорогу в невероятно трудных географических и климатических условиях, при сильнейших морозах и под проливными дождями. Они прокладывали рельсы через неосвоенные территории Дальнего Востока – горы, реки, болота, преодолевая скалы, вечную мерзлоту, высокую влажность грунта. В таких условиях строительные работы можно было вести не более 100 дней в году, но заключенные работали круглый год и в любую погоду по шестнадцать – восемнадцать часов в сутки. У многих появилась “куриная слепота” – с наступлением темноты люди переставали видеть, свирепствовала малярия, простуда, ревматизм, желудочные заболевания.

Благодаря каторжному труду десятков тысяч людей к концу 1937 года главные участки работ Бамлага на вторых путях трассы (Карымское – Хабаровск) были закончены. Теперь заключенным предстояло продолжить возведение вторых путей Транссибирской магистрали до Тихого океана, построить ряд дорог оборонного назначения и приступить к строительству собственно БАМа – дороги от Тайшета через Северный Байкал до Советской Гавани общей протяженностью 4643 км.

Таким образом, в руках Френкеля был уже не просто лагерь, а громадная армия, рассредоточенная на пространстве от Байкала до Тихого океана. Для управления такой структурой прежняя схема уже не годилась. В мае 1938 года Бамлаг был разделен на шесть самостоятельных лагерей, и возникло специальное Управление железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД СССР на Дальнем Востоке во главе с Френкелем.

После начала Великой Отечественной войны в 1941 году огромное строительство было остановлено; у ГУЛАГа уже не хватало ни людей, ни мощностей.

Фактически прокладка нового участка Байкало-Амурской железной дороги от Тайшета до Советской Гавани была продолжена в 1970-е, и тогда на стройку, объявленную комсомольской ударной, отправили тысячи молодежных бригад. Строительство шло 12 лет и закончилось незадолго до начала перестройки. Сегодня этот участок железной дороги переименован, и названия БАМ больше не существует.

⁷ Путеармейцы – пропагандистское энкавэдэшное название строителей железных дорог в первой половине 1930-х.

⁸ Отказчики – заключенные, по каким-либо причинам отказывавшиеся выходить на работу.

Винтики системы

Наши представления о лагерном мире многие годы формировались под влиянием свидетельств, которые оставили бывшие заключенные. А когда в 1990-е открылись государственные архивы, стало известно, как функционировала гулаговская система, ее структуры, ее организаторы и начальники.

Но образ “человека с ружьем” нам знаком очень плохо, мы едва ли представляем себе “винтики” огромной репрессивной машины. Бывшие зеки, как можно судить по многочисленным воспоминаниям, чаще запоминали своих следователей, тех, кто допрашивал их в тюрьме после ареста, составлял протоколы и обвинительные заключения. (Не говоря уже о следователях, настоящих мучителях и садистах, – массовое явление в 1937–1938 годах, во время Большого террора.) Такое трудно не запомнить. К тому же от следователя непосредственным образом зависела дальнейшая судьба и лагерный срок арестованных, и они часто склонны были видеть в нем – в конкретном человеке, а не в государственной репрессивной машине – персонализированное насилие, проявление по отношению к ним несправедливости и жестокости.

Но тех, кто охранял их в лагерях, люди, попадавшие в ГУЛАГ на многие годы, как правило, не запоминали. Охранники часто сменялись, были все будто на одно лицо, и в памяти заключенного оставался лишь тот, кто неожиданно проявлял какие-то человеческие чувства или, наоборот, особую жестокость.

Отношение заключенных к тем, кто их охранял в лагерях, довольно точно описывает Александр Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”:

“В том наша ограниченность: когда сидишь в тюрьме или лагере – характер тюремщиков интересует тебя лишь для того, как избежать их угроз и использовать их слабости. В остальном совсем тебе не хочется ими интересоваться, они твоего внимания недостойны... А теперь с опозданием спохватываешься, что всматривался в них мало... может ли пойти в тюремно-лагерный надзор человек, способный хоть к какой-нибудь полезной деятельности? – зададим вопрос: вообще может ли лагерник быть хорошим человеком? Какую систему морального отбора устраивает им жизнь?.. Всякий человек, у кого хоть отблеск был духовного воспитания, у кого есть хоть какая-то совестливая оглядка, различие злого и доброго, – будет инстинктивно, всеми мерами отбиваться, чтобы только не попасть в этот мрачный легион. Но, допустим, отбиться не удалось. Наступает второй отбор: во время обучения и первой службы само начальство приглядывается и отчисляет всех тех, кто проявит вместо воли и твердости (жестокости и бессердечия) – расхлябанность (доброту). И потом многолетний третий отбор: все, кто не представляли себе, куда и на что идут, теперь разобрались и ужаснулись. Быть постоянно орудием насилия, постоянным участником зла! – ведь это не каждому дается и не сразу. Ведь топчешь чужие судьбы, а внутри что-то натягивается, лопаются – и дальше уже так жить нельзя! И с большим опозданием, но люди все равно начинают вырываться, сказываются больными, достают справки, уходят на меньшую зарплату, снимают погоны – но только бы уйти, уйти, уйти! А остальные, значит, втянулись? А остальные, значит, привыкли, и уже их судьба кажется им нормальной. И уж конечно, полезной. И даже почетной. А кому-то и втягиваться было не надо: они с самого начала такие”⁹.

Эти слова Солженицына о тех, кому не удалось “отбиться”, кто чувствует, что так дальше “жить нельзя”, и хочет только “уйти, уйти, уйти”, прямо относятся к Ивану Чистякову. И дневник, который оставил Чистяков, дает нам уникальную возможность понять, что думал и чувствовал человек, оказавшийся в его роли.

⁹ А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М.: Советский писатель, 1989.

“Вызвали – и поезжай...”

В 1935-м Чистякова призвали во внутренние войска и отправили на край света командовать взводом стрелков ВОХР, конвоировать заключенных на работу, охранять лагеря по периметру, сопровождать эшелоны и ловить беглецов.

С этого момента каждый день, проведенный им на БАМе, проникнут одним желанием: любой ценой выбраться из того кошмара, в который он попал.

Прежде всего, Чистяков сам оказался в ужасных бытовых условиях, которые не устает описывать: “Так вот и живем... топчан с санным матрасом, казенное одеяло, стол на 3-х ножках, да 1 скрипучая табуретка, у которой каждый деть приходится кирпичом заколачивать выезжающие гвозди. Керосиновая лампа с разбитым стеклом и бумажным из газеты абажуром. Полка из куска доски обтянута газетой. Стены частью голые, частью оклеены бумагой от цемента. Всегда сыпется с потолка песок, и щели в оконных рамах, в двери и пазах стен. Буржуйка. Пока топят, то одному боку тепло. Что к печке, то на Южном полюсе, что от печки, то на Северном”.

Едва ли не на каждой странице дневника мы читаем про тяжелый климат, отвратительное жилье, где ночью от холода волосы прилипают ко лбу, отсутствие бани, нормальной еды. Чистякова постоянно мучает простуда, боли в желудке, ревматизм. Он командует взводом охраны, он – самое низшее в этой системе командное звено, и тяжесть своего положения он ощущает с двух сторон. С одной стороны – грубые, безграмотные, пьяные стрелки, многие из которых тоже заключенные (осужденные на небольшие сроки) или бывшие заключенные, с которыми он не может найти общего языка: “Помещение ВОХР. Топчаны, цветные одеяла, безграмотные лозунги и кто в летней, кто в зимней гимнастерке, кто в своем пиджаке, кто в ватнике, подпоясаны кто веревочкой, кто ремнем, кто брезентовым поясом. Курят, лежа на постели. Двое схватились и, образовав клубок, катаются, один задрав кверху ноги, смеется, смеется неистово, надрывно. Лежит и пилит на гармошке страдания. Горланит: “Мы работы не боимся, а на работу не пойдём”».

С другой стороны на него давит чекистское начальство, переведенное на БАМ с Соловков и прошедшее там школу власти “соловецкой, а не советской” (поговорка, которая родилась в Соловецком лагере¹⁰ и на долгие годы его пережила) – школу, методы которой теперь распространились на всю гулаговскую систему. О том, какова эта власть, какими жестокими методами действует она по отношению к заключенным (с этим должен был столкнуться и Чистяков на БАМе), пишет Варлам Шаламов, анализируя собственный лагерный опыт начала 1930-х: “Ведь кто-то застрелил тех трех беглецов, чьи трупы, – дело было зимой, – замороженные, стояли около вахты целых три дня, чтобы лагерники убедились в тщетности побега. Ведь кто-то дал распоряжение выставить эти замерзшие трупы для поучения? Ведь арестантов ставили – на том же самом Севере, который я объехал весь, – ставили “на комарей”, на пенек голыми за отказ от работы, за невыполнение нормы выработки”.

Описаний такого садизма у Чистякова мы не найдем. Но то, что система, в которую он попал, бесчеловечна, полна насилия, бессмысленной жестокости, осознается им очень ясно. Та роль, которую он должен играть здесь в Бамлаге, вызывает у него чувство стыда: “Куда, думаю, я попал? И стыдно стало мне за свой кубик, за то, что я командир, за то, что я живу в 1935 г.”.

В записях, сделанных Чистяковым вскоре после приезда на БАМ, сильны ноты сочувствия к тем, кого он вынужден охранять. Он понимает, почему зеки отказываются выходить на работу и при любой возможности стараются бежать: “Прислали малолеток: вшивые, гряз-

¹⁰ Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения, организован в 1923 году, закрыт в 1933-м.

ные, раздетые. Нет бани, нет, потому что нельзя перерасходовать 60 руб. Что выйдет по 1 к. на человека. Говорят о борьбе с побегами. Ищут причины, применяют оружие, не видя этих причин в самих себе. Что тут косность, бюрократизм или вредительство. Люди босы, раздеты, а на складе имеется все. Не дадут и таким, которые хотят и будут работать, ссылаясь на то, что промотают. Так не проматывают и не работают, а бегут”.

Его поражают чудовищные условия, в которых содержатся заключенные, занятые тяжелым трудом на строительстве железной дороги: “Пошли по баракам.... Голые нары, везде щели, снег на спящих, дров нет... Скопище шевелящихся людей. Разумных, мыслящих, специалистов. Лохмотья, грязь от грунта.... Ночь не спят, день на работе, зачастую в худых ботинках, в лаптях без рукавиц на холодной пище в карьере. Вечером в бараке снова холод, снова ночью бред. Поневоле вспомнишь дом и тепло. Поневоле все и всё будут виноваты... Лагерная администрация не заботится о з/к. Результат – отказы... и з/к правы – ведь они просят минимум, минимум, который мы должны дать, обязаны. На это отпущены средства. Но наше авось, разгильдяйство, наше нежелание, или черт знает что еще, работать...”

Методы, которыми ведется эта стройка, сочетание хаоса с глубочайшим равнодушием и безжалостностью к людям, которые лишены самого необходимого, – все это вызывает у Чистякова неприятие. Возможно, именно поэтому его дневник – одно из достоверных свидетельств, разоблачающих порочность сталинской системы принудительного труда. Уникальность его в том, что автор описывает происходящее день за днем изнутри этой системы.

На каждом шагу он сталкивается с бессмысленностью и неэффективностью организованной чекистами работы. Например, начальство не обеспечивает заключенных дровами, а в условиях 50-градусного мороза людям нужно хоть как-то обогреться, значит – и это признает Чистяков, – они вынуждены воровать и сжигать драгоценные шпалы, предназначенные для строительства: “Жгут шпалы, возят возами. Здесь немного, там немного, а в общем уничтожают тысячи, уничтожают столько, что страшно подумать. Начальство или не хочет или не может додуматься, что дрова нужны и что шпалы обойдутся и обходятся дороже. Наверно всем, как и мне, служить в БАМе не хочется. Поэтому не обращают внимания ни на что. Крупные чины члены партии, старые чекисты делают и работают на авось, махнув на все рукой... Вся дисциплина держится на Ревтрибунале¹¹, на страхе”.

Свое недовольство и раздражение против чекистского начальства, которое пребывает в постоянной истерике, “выгоняет из кабинета, рычит”, потому что сверху от него требуют любой ценой выполнения невыполнимого, нереального по срокам плана сдачи строительства, Чистяков выражает едва ли не на каждой странице дневника. Так же как неверие в “подгоняльные” методы работы. Но высказывать критику вслух просто опасно: “Попробуй, скажи истинное положение вещей, всыпят, закашляешься...”

Судя по тому, что Чистяков описывает в дневнике, он ведет себя, в сущности, так же, как заключенные, то есть старается всячески уклониться от выполнения бессмысленных приказов. Он осознает то, чего не понимает или не хочет понимать лагерное начальство, которое “считает, что подчиненный, которому отдано распоряжение, готов и обязан выполнить это распоряжение срочно и со всей душой. На самом деле рабы не все. Целый ряд работяг из зэка любое распоряжение начальника встречает с тем, чтобы напрячь все духовные силы и его не исполнять... Это естественное действие раба. Но лагерное начальство, московское и ниже, почему-то думает, что каждый их приказ будет выполняться. Каждое распоряжение высшего начальства – это оскорбление достоинства заключенного вне зависимо-

¹¹ Чистяков вместо военного трибунала, суду которого он подлежал как военнослужащий, часто употребляет старый термин “Ревтрибунал” – Революционный трибунал, созданный в 1917 году и просуществовавший до 1922 года.

сти, полезно или вредно само распоряжение. Мозг заключенного притуплен всевозможными приказами, а воля оскорблена”¹².

И все-таки трагизм ситуации, в которую попадает Чистяков, заключается в том, что, хочет он этого или нет, но порой он с ужасом осознает, что и сам “врастает в БАМ”. А это значит, что постепенно слабеет, почти исчезает сочувствие, которое он вначале испытывал к заключенным. Драки и убийства среди уголовников, постоянные побеги, за которые ему приходится отвечать, – все это приводит к тому, что, человеческие чувства в нем притупляются. Тем более что здесь, в Бамлаге, среди заключенных мало людей интеллигентных, их час еще не настал, 1937-й, год массового террора, еще впереди¹³. Основной контингент – это уголовники, сидящие по бытовым статьям, раскулаченные, пойманные беспризорники-малолетки. Эти люди особенно легко решаются на побег, да и обстановка благоприятствует: постоянное перемещение бригад-фаланг по мере продвижения строительства железнодорожных путей, отсутствие стационарной лагерной инфраструктуры. Чистяков пишет о том, что ему ежедневно приходится преодолевать пешком или на лошади многие километры. В таких условиях предупредить побеги становится почти невозможным: “Как все уставное относительно и особенно у нас. Отправляем этап. Часть приняли, проверили, часть нет – поехали. Уполномоченный ругается, мы протестуем. Уполном. прав и мы правы. На случай чего либо мы будем виноваты, если не отправим людей, тоже мы виноваты. Как-нибудь. Тут еще план, черт бы его затащил в пекло. БАМ – ссылка всем вольным и невольным”.

Женщины-заключенные (это в основном представительницы уголовного мира или проститутки) вызывают у него прежде всего чувство ужаса и брезгливости, хоть и смешанное порой с жалостью: “На фаланге драка, дерутся бабы. Бьют бывшую... и убивают. Мы бессильны помочь... Все они 35¹⁴, но все же жалко человека. <...> Ну уж ладно, пускай з/к сами себя бьют, нам не пачкаться в ихней крови”.

И все же Чистяков не чекист, он на БАМе человек чужой, подневольный, поэтому все-таки время от времени в нем просыпается рефлексия, и он вспоминает о том, “скольким... увеличил срок. Как ни стараешься быть спокойным, но иногда прорвет. Кому-нибудь и дашь арест¹⁵».

Но, к сожалению, из-за собственной тоски, от обреченности Чистяков не видит вокруг себя людей – у него нет сил и желания вглядываться в кого-то. Именно поэтому кажется, что его окружают статисты и по ту, и по другую сторону. Именно поэтому его ситуация кажется такой безвыходной.

¹² В. Шаламов. Указ. соч.

¹³ Конечно, такие люди в Бамлаге были – например, до 1934 года там находился осужденный на десять лет знаменитый ученый и философ отец Павел Флоренский, – но в дневнике Чистякова никто из заключенных, осужденных по политической статье, не упоминается.

¹⁴ Статья 35 УК предусматривала наказание до пяти лет за нарушение паспортного режима для тех, кого числили под категорией СВЭ (социально вредный элемент), – бродяг, проституток и прочих мелких уголовных элементов.

¹⁵ Все наложенные на заключенных взыскания могли лишить его права на досрочное освобождение.

Шум трамвая

Многие записи в дневнике полны такого отчаяния и тоски, такого неприятия окружающей его жизни, что возникает вопрос – во что верит их автор? Ведь он был членом партии, воевал в Красной Армии, и его никак нельзя назвать противником советской власти. Чистяков несколько раз упоминает в дневнике имена советских партийных деятелей (Ворошилова, Кагановича), актуальные политические события. Но главным образом в связи с тем, что он обязан проводить среди своих стрелков политинформацию по материалам газет. Он читает им речь Михаила Калинина о проекте новой советской Конституции, рассказывает о строительстве московского метро, о международном положении (упомянув Гитлера). Однако сам он, по видимому, над смыслом этих событий не слишком задумывается – хотя бы над тем, как фальшиво в условиях Бамлага, которые он сам описывает, звучит само это слово – “конституция”. Когда Чистяков в издевательском тоне пишет о проходящем в столовой митинге в поддержку начинающегося процесса над троцкистско-зиновьевским блоком, насмешку у него вызывает не сам показательный процесс над политической оппозицией, а безграмотные и глупые выступления чекистов, “не умеющих воодушевить, направить мысли слушателя”.

Но у Чистякова нет и фанатичной веры в коммунизм, нет особого энтузиазма по поводу “великих строек”. Он знает, что он и такие, как он, – всего лишь фундамент этого сталинского “котлована”. Кроме того, как человек неглупый и думающий, он не может не видеть, как отличается реальность БАМА от того, что пишут советские газеты, о чем постоянно твердит сталинская пропаганда: “Пишут там – то, там – то, а у нас? у нас тоже то одно и то одно и то, побеги и побеги, аресты ревтриб. Вот радость и утешение”.

Применительно к БАМу ему кажутся фальшивыми слова самого Сталина: “Сижу весь день и читаю газеты. Жить стало лучше, жить стало веселей! Где это, – спрашиваю я. Уж не у нас ли в БАМе? У нас доедаем последнюю сушеную картошку. Мы пока что живем теоретически газетным материалом. Попробуй, скажи истинное положение вещей, всыпят, закашляешься. Скорей бы сдали перегон. Все же лучше не читать газет, иначе можно сойти с ума. Но почему же? Почему меня выбрали для БАМа?”

Чистяков – типичный маленький человек ранней советской эпохи, он хочет быть лояльным гражданином. И мечты у него скромные, ему просто хочется жить нормальными человеческими радостями: “Я хочу заниматься спортом, радио, хочу работать по специальности, учиться, следить и проверять на практике технологию металлов, возвращаться в культурном обществе, хочу театра и кино, лекций и музеев, выставок, хочу рисовать. Ездить на мотоцикле, а может быть продать мотоцикл и купить аэроплан резиновый, летать...”

Но ничего этого у него больше никогда не будет – в такое время он живет. Советская власть не оставит ему даже минимальной возможности обрести хотя бы маленькую личную свободу, и эту безвыходность своего положения он ощущает на БАМе уже с самого первого дня: “Я и вся ВОХРа участники великой стройки. Отдаем свою жизнь на построение социалистического общества, а чем все это отметится, да ничем. Могут отметить Ревтрибом...”

Он чувствует, что даже той скромной жизни москвича 1930-х годов, которую он прежде вел, пришел конец. Москва первой половины 1930-х – на самом деле серый город с коммунальными квартирами, переполненными трамваями, очередями, продовольственными карточками и плохо одетыми людьми – кажется Чистякову самым прекрасным местом на Земле. Его мучает такая тяжелая тоска по этому городу, что куда там стремящимся в Москву чеховским трем сестрам: “Представилась Каретно-Садовая, шум трамвая, улицы, пешеходы, оттепель и дворники скребками чистят тротуар. Представляется до боли в висках. В жизни осталось проработать меньшую половину. Но эта половина скомкана БАМом. И никому до моей